

Максим Горький

Последние

Максим Горький

Последние

«Public Domain»

1907-1908

Горький М.

Последние / М. Горький — «Public Domain», 1907-1908

«Уютная комната; в левой стене – камин. У задней стены – ширмы, за ними видна односпальная кровать, покрытая красным одеялом, и узкая белая дверь. Большой книжный шкаф делит комнату на две части, правая больше левой. Шкаф обращён дверьми направо, спинка его завешена ковром, к ней прислонилось пианино; напротив – широкий тёмный диван и маленькое окно; в глубине этой комнаты дверь в столовую. Там светло. Если к пианино поставить стул – он закроет проход в столовую...»

© Горький М., 1907-1908

© Public Domain, 1907-1908

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Действие второе	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Максим Горький

Последние

Пьеса в четырёх действиях

Действующие лица

Иван Коломийцев.

Яков – его брат.

Софья – жена Ивана.

Александр – 26 лет.

Надежда – 23 года.

Любовь – 20 лет.

Пётр – 18 лет.

Вера – 16 лет.

Г-жа Соколова.

Лещ – муж Надежды.

Якорев – околоточный надзиратель.

Федосья – няня, очень старая, полуглухая.

Горничная.

Действие первое

Уютная комната; в левой стене – камин. У задней стены – ширмы, за ними видна односпальная кровать, покрытая красным одеялом, и узкая белая дверь. Большой книжный шкаф делит комнату на две части, правая больше левой. Шкаф обращён дверьми направо, спинка его завешена ковром, к ней прислонилось пианино; напротив – широкий тёмный диван и маленькое окно; в глубине этой комнаты дверь в столовую. Там светло. Если к пианино поставить стул – он закроет проход в столовую. У камина в глубоком кресле сидит **Яков** – седой, кудрявый, бритый, лицо мягкое, читает книгу. Сзади кресла на письменном столе высокая лампа под абажуром из зелёной бумаги. У стола, тоже в кресле, сидит **Федосья**, в руках у неё длинное серое вязанье, на коленях большой клубок шерсти, она всё время что-то бормочет. В столовой бесшумно ходит, накрывая стол к обеду, **Горничная**; там же **Софья** – она моложавая, лицо бледное, глаза малоподвижны, всегда смотрят вдаль, пристально и тревожно. **Яков** мешает угли в камине, она прислушивается к шуму, медленно идёт в комнату **Яков** а, за шкафом нерешительно останавливается.

Софья. Я не помешаю?

Яков. Конечно, нет! (Встречает её улыбкой.)

Софья. Мне казалось – ты занят...

Яков (снимая пенснэ). Чем?

Софья. Я хочу спросить тебя, – госпожа Соколова, мать того, который стрелял в Ивана, просит принять её, – как ты думаешь, принять?

Яков (нерешительно). Не знаю... Как мать, она имеет право на твоё внимание... хотя – зачем ей обращаться именно к тебе, а не к Ивану?

Федосья (тихо и не поднимая головы, бормочет). Ждём-пождём да опять пойдём...

Софья. Ты веришь, что стрелял этот?

Яков. Видишь ли – я думаю, террористы не лгут, заявляя, что он не принадлежит к их партии...

Софья. Мне тоже кажется...

Яков. Ты что не сядешь?

Софья (опуская голову). Не хочется...

Яков. У тебя утомлённое лицо.

Софья (негромко). Когда я сажусь – меня одолевает слабость. (Тише.) Извини, но я снова принуждена просить у тебя денег.

Яков (торопливо, сконфуженный). В левом ящике стола – пожалуйста! Верхний ящик, не заперто...

Софья. Как это тяжело – обирать тебя...

Яков. Э, полно, Соня...

Федосья (бормочет). Бери, бери у него деньги-то! Умрёт скоро... куда ему!

(Из столовой идёт Любовь. Она горбата и – чтобы скрыть своё уродство – всегда носит на плечах шаль или плед. Теперь на ней большая жёлтая шаль. Остановилась у пианино.)

Софья (задумчиво). Переехали мы в твой дом, а тебя, больного, загнали куда-то в угол...

Яков (смуциённо). Полно, Соня...

Софья. Я взяла сто...

(Любовь ставит к пианино стул и тихо играет.)

Яков. Послушай, я хочу предложить тебе...

Софья. Мне нужно идти, после обеда скажешь – хорошо? (Идёт.)

Яков (берёт книгу). Когда хочешь...

Федосья (*тихо напевает на мотив колыбельной песни*). Эх, Яшенька, Яша. Горька судьба наша... (*Дальше слова непонятны, но всё время старуха бормочет, точно баюкая ребёнка.*)

Софья (*останавливается перед дочерью, не замечающей её, ждёт несколько секунд*).
Пусти меня, Люба.

Любовь. Я уже мешаю?

Софья. Но как же пройти?

Любовь. Мама, где я могла бы не мешать никому?

Софья (*ставит ногу на диван и так обходит стул дочери*). Ну, не злись...

Любовь (*вскакивая*). Ты прыгаешь, чтобы потом получить право упрекнуть меня за свой прыжок?

Софья (*уходя, тихо*). В чём, когда я упрекаю тебя...

(*Любовь встаёт и входит в комнату Якова.*)

Яков (*тихо*). Как ты легко раздражаешься...

Любовь (*спокойно*). Это все говорят. Все жалуются на меня, точно я зимний холод или осенний дождь...

Федосья (*поёт*). А вот пришла Люба... А чего ей надо...

Любовь (*громко*). Перестань, няня!

Федосья. Чего? (*Чешет спицей голову и улыбается, глядя на Любовь.*)

Яков. Ты преувеличиваешь, Люба...

Любовь. Холод и слякоть осени тоже нечто преувеличенное, ненужное, враждебное людям... Скажи, сколько мама взяла денег?

Яков. Сто рублей... А что тебе?

Любовь. Почему ты не хочешь дать сразу много, чтобы ей не просить часто? Ведь это унижительно – просить, разве ты не понимаешь?

Яков (*смущён*). Ах, боже мой! Конечно, понимаю. Я и хотел сейчас предложить ей...

Любовь (*как бы напоминая*). Ведь ты богат...

Яков (*улыбаясь*). Был. Алюминий разорил меня...

Любовь. Зачем тебе понадобился этот алюминий?

Яков (*виновато*). Я думал, видишь ли, что было бы хорошо, если бы люди получили красивый металл. Железо – тяжело и мрачно, медь – такая жирная всегда...

Любовь (*вздыхнув*). Какой ты смешной!

Федосья. О, господи, господи... помилуй нас, грешников...

Любовь. Ты часто ошибался?

Яков (*усмехаясь*). Необходимо, должно быть, чтобы иные люди делали ошибки...

Любовь (*заглядывая ему в лицо*). Я знаю одну твою ошибку.

Яков (*беспокойно*). Да?

Любовь. Ты должен был жениться на маме...

Яков (*испуган*). Люба!.. Это слишком сложно для тебя, пожалуй! Я не решился бы так говорить об этом на твоём месте.

Любовь. А где оно – моё место?

Яков (*опуская голову*). Странно ты говоришь, право...

Любовь (*настойчиво*). Почему я никогда не могу рассердить тебя? Я всех могу вывести из себя, а тебя – нет! Почему?

Яков. Бог мой, я не знаю...

Любовь. Маме было бы лучше с тобой, чем с отцом, который пьёт, играет...

Яков. Милая Люба, зачем ты так говоришь?

Любовь. Народил больных и глупых детей и вот оставил их теперь нищими на шею мамы...

Федосья (*уловив слово «нищие», поёт*). Нищая братия, богова забавушка...

Яков. Так нельзя говорить об отце! Няня, молчи, пожалуйста!

Федосья. Ась?

Любовь. Почему? Мне не нравится быть дочерью человека, который приказывает убивать людей...

Яков (*тоскливо*). Как резко, Люба...

Любовь. И бегаёт, как трус, когда в него стреляют за это...

Яков. Он старый, нездоровый человек, уставший...

Любовь. Разве болезнь оправдывает? Ведь он болен оттого, что много кутил.

Яков (*неприятно поражённый*). Откуда ты знаешь?

Любовь. Это говорит доктор Лещ. Он тебе нравится?

Яков (*возится в кресле*). Твои слова могут услышать...

Любовь. Доктор Лещ... Тюремный врач... Какая честь быть в родстве с таким... Ты что – хочешь в столовую?

Яков. Я не могу больше слушать...

Любовь (*пожимая плечами*). Сиди... Куда тебе с твоим сердцем! А-а, вот пришли любимчики... твои, мамины, всего света.

Яков. Но ведь и твои...

Любовь (*задумчиво*). Любовь к жалкому – это, я думаю, нездоровая любовь...

Яков. Ты даже себе самой говоришь колкости!

Вера (*из столовой, за нею Пётр*). Дядя!

Федосья (*громко*). А вот мои последние... детки мои последние... (*Перестает вязать и смотрит на всех с улыбкою на тёмном лице.*)

Вера. С каким интересным человеком мы познакомились!

Яков. Это ты всё время катался на коньках, Пётр? Смотри, тебе вредно!

Пётр (*задумчиво*). Пустяки!

Вера. Понимаешь, к нам на улице привязались какие-то трое – наверное, из чёрных сотен...

Пётр. Три пьяных идиота – идут за нами и говорят гнусные вещи...

Вера. Я им крикнула: мы дети Коломийцева...

Любовь. На колени! Шапки долой...

(*Пётр исподлобья смотрит на Любовь.*)

Вера (*Любови*). Мы испугались, нужно же было сказать им, кто мы!..

Любовь (*с улыбкой*). А они, узнав это, начали ругаться ещё сильнее, да?

Пётр (*подозрительно*). Почему ты знаешь?

Вера. Да, Люба, это верно! Я не понимаю – как же? Ведь они должны уважать властей? Это революционеры обязаны не уважать, а они – почему?

Яков (*поучительно, но мягко*). В России никто никого не уважает...

Любовь. Что же дальше?

Вера. Вдруг навстречу нам идёт молодой человек, уже хотела ударить одного из них коньками, того, который был ближе, но этот человек...

Пётр (*усмехаясь*). Верка действительно хотела драться...

Вера. Этот господин крикнул им – прочь! (*Федосья чему-то беззвучно смеётся*) Они зарычали и – на него! Вот было страшно! Тут он вынул револьвер... (*Смеётся.*) Как они побежали!

Федосья (*вслушивается, смеётся*). Ах вы, мои милые, ах, весёлые...

Пётр. Ломаными линиями, чтобы не попала пуля.

Любовь (*негромко*). Вот так же бежал отец, когда в него стреляли...

Вера. Что?

Любовь. Наверное, так же...

Пётр (*строго*). Зачем ты это сказала?

Любовь. Просто так...

Вера. Что такое она сказала?

Пётр. Ничего... Продолжай!

Вера. Он очень красивый...

Пётр (*задумчиво*). Хороший голос и такая простая речь...

Вера. Брюнет, с острой бородкой, – мечтательные глаза... Я думаю – он пишет стихи...

Любовь. А твой револьвер, Пётр?

Пётр (*хмурясь*). Не буду я таскать его с собой... Я не люблю таких вещей...

Вера. Он – трусишка!

Яков. Вот что, дети, давайте скроем от мамы этот случай, чтобы не волновать её...

Вера (*разочарованно*). Да? Я бы хотела рассказать и ей!

Яков. Потом, после – хорошо?

Вера. Да...

Пётр (*задумчиво*). Мы с ним долго гуляли... Мне хотелось пригласить его к нам...

Вера. Вот хорошо, Петька!

Любовь. Ты думаешь, он пришёл бы?

Пётр. А почему нет?

Надежда (*входит*). Зачем это все набились сюда? Они тебе мешают, дядя?

Яков. Нисколько! Ведь каждый день перед обедом все сходятся ко мне...

Надежда. Знаете, этот мерзавец, который стрелял в папу, заболел.

(*Все смотрят на неё, становится тихо.*)

Надежда. Муж говорит, что он не притворяется.

Пётр (*беспокойно*). Почему его так долго не судят?

Надежда. Он всё ещё не сознаётся...

Пётр. Мне кажется, что он где-то близко...

Вера. Что такое?

Любовь. Где же?

Пётр. Тут... за дверьми...

Надежда. Какой вздор!

Пётр. Стоит и ждёт, чтобы его простили...

Надежда. Не глуп, однако...

Софья (*входит. Тревожно*). Кто ждёт прощения?

Надежда. А этот, который стрелял в отца...

Софья (*оглядывая всех*). Кто это знает?

Яков (*успокаивая*). Это Пётр сказал, Соня! Ему кажется, что этот человек где-то около нас и ждёт, чтобы мы ему простили.

Софья (*странным тоном*). Революционеры считают себя правыми...

Любовь. Как все властолюбцы...

(*Пётр незаметно уходит. Вере скучно, она стоит сзади кресла няньки, прикрепляя ей на голову бумажные цветы с абазура лампы. Любовь смотрит на всех из угла неподвижным взглядом. Надежда всё время охорашивается, тихонько напевая.*)

Любовь (*серьёзно, Вере*). Цветы ей не идут.

Вера. Разве?

Софья. А где Александр? И Павел Дмитриевич?

Надежда. Муж только что пришёл, переодевается. Это он сказал, что убийца заболел...

Софья (*тревожно*). Заболел? Чем?

Надежда. Сходит с ума, кажется. (*С иронией.*) Тебе его жалко, мама?

Софья. Я не сказала этого...

Любовь (*усмехаясь*). Потому что боишься?

Надежда. Эта мама становится какой-то чудачкой!

Вера. Не обижайте её, а то она не купит мне новые коньки.

Любовь (*матери*). Скажи, ведь тебе его жалко?

Софья. Мне надоело всё это злое. Тюрьмы, суды, казни – противны.

Яков (*вздыхая*). С каждым днём их всё больше...

Надежда. Это необходимо, чтобы люди могли жить спокойно.

Любовь. Даже индусы перестают верить, что покой есть счастье...

Софья (*неожиданно для всех*). Террористы заявили, что он не участвовал в покушении. (*Все смотрят на неё. Любовь стоит, закрыв глаза книгой, и через неё смотрит на всех подстерегающими глазами.*)

Надежда (*не сразу*). Разве можно верить революционерам? Как это наивно, мама!

(*Виновато улыгнувшись, Софья садится на стул и как бы вдруг стареет, мякнет, опускает голову.*)

Александр (*в столовой, кричит*). Послушайте, эй! Почта была?

Надежда. На этажерке в гостиной лежит письмо тебе... Вера, иди причешись, ты ужасно растрёпана.

Вера. Ой, мне не хочется!

Надежда. Ну, не кривляйся. (*Ведёт её за собой.*) Ты становишься небрежной; имей в виду, что мужчины терпеть этого не могут...

Вера. Господи! Опять мужчины! Маленькую меня пугали чертями, выросла – пугают мужчинами...

Яков (*тихо*). Что с тобой, Соня?

Софья (*вздвигнув*). А? Я задумалась...

Александр. Обед скоро?

Софья. Да... сейчас...

Александр (*идёт, насвистывая*). Маленький митинг? По вопросу о финансах, или – внутренняя политика, а?

Любовь. Как это остроумно!

Александр. Как ты горбата!

Софья (*укоряя*). Александр!

Александр (*не глядя на мать*). Mon cher oncle¹, как здоровье ваших ножек?

Любовь (*уходя в дверь за ширмой*). Выгони его, мама!

Александр (*прищуриваясь*). Э? Что я слышал? Оскорбила и спряталась, точно жидёнок-революционер.

Софья (*просит*). В самом деле, Александр, иди в столовую.

Александр. Да, тапан? Вы – командуете?

Софья (*печально*). На тебя неприятно смотреть...

Александр. Нет, что я слышу? Вы, тапан, кажется, наконец, хотите заняться моим воспитанием?

Яков. Довольно, Александр! Как ты можешь?

Александр. Bien...² Я имею маленькое дело к тебе, дядя.

Софья. Он не даст денег.

Александр. Вы это знаете наверняка?

Софья. Я просила его не давать.

---

¹ мой дорогой дядюшка – Ред.

² Хорошо... (*франц.*) – Ред.

Александр. Да, дядя? Она просила?

Яков. Конечно, если она говорит.

Александр (*злится*). Вот рыцарский ответ! «Конечно, если она говорит!» Я это запомню. Но – что же вы, дядя? Как вы отнеслись к её просьбе?

Яков (*смущённо*). Я? Я дал слово, что исполню её просьбу.

Александр. Весьма похвально!

Яков (*мягко*). Ты извини меня, Саша, но такая жизнь, как твоя... эти ночные кутежи...

Александр. Кто же устраивает кутежи днём?

Софья. Ты посмотри, какое у тебя лицо. И ты уже лысеешь...

Александр. Лицо энергичного человека, а лысина придаёт ему солидность. Я бледен, потому что утомлён ежедневными поисками куска хлеба... Мои родители произвели меня на свет, но не позаботились обеспечить средствами для приличной жизни...

Софья (*тихо*). Я прошу тебя перестать...

Александр. Почтенный папаша много брал взяток в городе, но мало в клубе за картонным столом...

Яков (*тоскливо*). Какой цинизм, Саша...

Софья (*спокойно и убито*). Ты понимаешь, что говоришь?

Александр. Вполне. И вот, благодаря неудачной игре отца, я оказался в полном проигрыше.

Яков. Ужасно, Александр, ужасно! Будь милосерден, уйди. За что ты мучаешь мать?

Александр. Cher uncle, двадцать пять рублей, и – я уйду!

Яков. Возьми, пожалуйста... на столе под прессом. Но – я спрашиваю – неужели тебе не жалко мать?

Александр (*искренно*). А кто пожалеет распутного молодого человека – кандидата в помощники полицейского пристава? Мне предстоит бить морды человеческие, брать взятки понемногу и – получить в живот пулю революционера... Как вам нравится эта блестящая карьера? (*Насильственно смеясь, уходит.*)

Яков (*не сразу*). Как он похож на своего отца!

Софья. Я не знаю, как надо говорить с ним, что сказать ему! Зачем ты дал ему денег? Он снова будет пить всю ночь.

Яков. Но что же делать? Надо же было, чтобы он ушёл!

Софья. Мы тебя ограбим, Яков... Зачем ты с нами?

Яков. Оставь, дорогая Соня. Я хочу быть полезен тебе и сумею, ты увидишь! Вот приедет Иван...

Софья. Твоих денег ненадолго хватит...

Яков. Но разве только деньги, Соня...

Софья. Нам ничего не нужно, кроме денег...

Федосья. Сонюшка, Андрюша-то Рязанов – жив ли?

Софья (*громко*). Умер, няня. Я тебе говорила.

Федосья (*качая головой*). Да, да... Застрелили его... да...

Софья (*равнодушно*). Это Бородулина застрелили...

Федосья. Да, помню, помню... Андрюша-то... тоже мой выкормок... Много их...

Софья (*взглянув на старуху*). Ты знаешь, что Рязанов сёк крестьян в её деревне... может быть, родственников своей няньки.

Яков. Почему ты говоришь об этом?

Софья. Не знаю... Так...

Федосья. Да... мно-ого!

Яков (*тихо просит*). Я хочу поговорить с тобой о Любе. Можно?

Софья (*подозрительно*). Что такое?

Яков. Мне кажется, она что-то чувствует... чего-то ищет...

Софья. Все теперь чего-то ищут.

Яков. С нею обращаются грубо...

Софья. Я?

Яков. О, нет, конечно! Ты только... менее внимательна с ней...

Софья. Она тоже нехорошо относится ко мне... Впрочем, она со всеми одинакова...

Яков (*тихо, намекая*). Кроме меня, Соня...

Софья (*помолчав*). Нет! Она не может знать! (*С силою*.) И – не должна знать, Яков! (*Порывисто, тихо*.) Я мучительно люблю это несчастное существо, я люблю... Но моя любовь – трусливое чувство виноватой; я боюсь, что вскроется моя вина перед нею, и – люблю её издали, смею подойти к ней, говорить с нею...

Яков. Это напрасно, Соня. Скажи ей, скажи...

Софья. Не могу...

Яков. Потом, не сейчас, но – скажи!.. Теперь ты слишком мрачно настроена... это проклятое, безумное время подавляет тебя...

Софья. Я тоже ищу. Я хочу понять, что мне делать? Ведь дети мои погибают, Яков! Я спрашиваю себя: где ты была до этой поры? Чем вооружила детей для страшной жизни?

Яков. Голубушка – спокойнее! Кто же знал...

Софья. Я спокойна – господи боже мой! Я всё думаю, думаю, но я – спокойна!

Яков. Нет, Соня! Это глупое покушение на жизнь Ивана и затем его отставка ошеломили тебя, ты растерялась – понятно! И к тому же дикий вой газет... они клеветуют, сочиняют...

Софья. Ты говоришь по совести – они клеветуют?

Яков (*не глядя на неё*). Они преувеличивают... Иван, конечно, не очень... он слишком...

Софья. Нет, будем правдивы. Мы знаем, что газеты не клеветуют...

Яков. Ах, Соня... Это, должно быть, страшно трудно – остаться честным, имея пятерых детей...

Софья. Не говори так! Ты сам себе не веришь...

Яков (*сконфужен*). Всё против человека в нашем обществе, вот что я хотел сказать! Невозможно быть самим собой...

Софья (*всё время ходит по комнате, сняла цветы с головы няньки, бросила их в угол*). Человека, имеющего пятерых детей, мы знаем лучше газет. Нам известно, что этот человек кутила и развратник; он устроил игорный дом рядом с комнатами, где спали его дети. Какие женщины бывали у него! Он оскорблял свою жену непрерывно десять лет – сколько любовниц имел он! Разве не он развратил Александра? А почему я не умела помешать этому? Он пьяный уронил Любу на пол, сделал её уродом – как я могла допустить? Поздно думать об этом? Поздно, да, я знаю...

Яков (*качая головой*). Как ты ошиблась однажды...

Софья. Я это знаю... Ты – мягок... да, с тобой было бы спокойнее жить... Ты честный человек. Мне было тридцать пять лет, когда я догадалась об этом, а Любе уж было десять. Десять лет я не думала о тебе... забыла про тебя и вспомнила в год, когда Иван, помещик, дворянин, – пошёл служить в полицию. Ты застрелился бы, но – не пошёл! И вот десять лет пытки и унижений и для меня и для него... Как он быстро развратился, прогнил... Когда в него стреляли – мне стало жалко его, я готова была простить ему всё, что можно... Но он вёл себя так унижительно, трусливо...

(*Из столовой идёт доктор Лещ, человек средних лет, с больным жёлтым лицом. Он шагает осторожно, прислушивается, предупредительно кашляет.*)

Лещ. Если помешал – приношу извинения! Вам сказала Надя о том, что подозреваемый в покушении заболел?

Софья. А зачем я должна знать это?

Лещ (*поучительно*). Человек этот не может быть безразличен для вас; странно вы говорите! Вы непосредственно заинтересованы в том, чтобы он понёс должное наказание, – как же иначе? (*Считает пульс Якова, глядя в потолок.*) Как спали?

Яков. Плохо.

Лещ. А сердце?

Яков. Замирает...

Софья. Он не сознаётся?

Лещ. Нет! Appetit?

Яков. Плохой. Ванны меня ослабляют...

Лещ. Я это предвидел, разумеется.

Софья. Может быть, действительно не он стрелял?

Лещ. Не знаю. Меня это не касается. Ванны надо продолжать.

Федосья (*улыбаясь*). Доктор, полечил бы ты меня, а? Полечи-ка! (*Тихонько смеётся, точно торжествуя.*)

Лещ (*солидно*). Далее – Александр может получить должность помощника пристава, но это будет стоить пятьсот рублей.

Софья. Надо дать взятку?

Лещ. А как же? Разумеется.

Софья. У нас нет денег.

Лещ. Несомненно. Но я думаю, дядя Яков понимает насущную необходимость всей семьи...

Софья. У него тоже нет денег...

Лещ (*пристально глядя на неё*). Сенсационно. И – странный тон – как будто эту взятку требую у вас я сам!

Яков (*торопливо*). Это не совсем верно, Соня, я могу дать пятьсот...

Софья (*зятю*). Вам кажется, что Александр будет на месте в полиции?

Лещ. Я, как вам известно, человек правдивый, и скажу прямо: полиция – это единственное учреждение, где ваш сын может служить. Я отношусь к нему отрицательно и не скрываю этого даже от него. Разумеется, в нём есть и добрые чувства, но в общем – это анархист, человек, лишённый внутренней дисциплины, существо с расшатанной волей... недоучившийся юнкер...

Софья. Когда вы осуждаете людей, вы говорите охотно, но ужасно длинно.

Лещ (*любезно*). Тут виновато обилие недостатков в людях...

Софья (*Якову*). Мне не хочется, чтобы Александр служил в полиции...

Яков (*бормочет*). Что же делать?..

Лещ. Не вижу, где бы он мог служить кроме, положительно не вижу. У него есть некоторая военная выправка, он был вольноопределяющимся, имеет какой-то чин. Я думаю, он будет недурным полицейским... для провинции, разумеется!

Яков (*осторожно*). Главное, Соня, он уйдёт из дома, и дети избавятся от его влияния... Ты позволь мне дать эти деньги...

Софья (*пожимает плечами*). Я не понимаю, что надо делать.

Яков. Деньги – кому?

Лещ. Я дал слово, что не назову имени лица, которое желает получить деньги.

Яков (*смущённо*). Конечно... понимаю...

Лещ. Не очень приятное поручение давать взятки... Что, скоро обед?

Софья. Идёмте. (*Помогая Якову встать.*) Вот я и продала сына...

Лещ (*наставительно*). Продавая – получают деньги...

Софья. На душе у меня – нехорошо...

Яков (*тяжело двигая ногами*). Что делать! Без взяток не работает машина нашей жизни...

Лещ (*идя за ними*). Без денег – невозможна личная независимость...

(*Из столовой навстречу им идёт Надежда.*)

Лещ. Ты что?

Надежда. На минуту, Павел... (*Ведёт его назад в комнату Якова. Тихо.*) Получил?

Лещ (*недовольно*). Как это неосторожно и некорректно... точно я спрячу эти деньги от тебя, фу!

Надежда (*целуя его*). Милый Пашка, не сердись! Пятьсот! да? А ты получишь – двести?

Лещ. Тише!

Надежда. И купишь мне крест из гранат, помнишь, ты обещал? Ты должен подарить мне этот крест: ведь план – мой!

Лещ. Я, разумеется, сдержу слово! Идём же! Там сядут за стол... Что за шум?

(*Прислушиваются.*)

Надежда (*удивлённо*). Приехал отец!

Лещ. Гм... неожиданно!

Иван (*в столовой*). Почему меня никто не встретил?

Софья. Кто же знал, что ты приедешь сегодня...

Иван. Но я послал вам телеграмму!

Софья. Не кричи...

Лещ. Подождём здесь, пока он остынет.

Надежда (*вздыхая*). Ах, этот комик папка!

Иван (*в дверях столовой*). Вы боитесь проехать по улице рядом с человеком, которого злодеи осудили на смерть, хотя человек этот ваш отец, да?

Софья. Садись, ешь, Иван...

Иван (*идёт в комнату Якова*). Я не хочу ваших объедков! Надежда, почему меня никто не встретил?

Надежда. Мы не знали!

Иван. Неправда! А, господа! Я понимаю вас! С того дня, как я не служу, – цена мне упала в ваших глазах...

Лещ. Вы бы поздоровались прежде...

Иван. Что? Здравствуйте...

Лещ. Преступник, который...

Иван. Который поднял безумную руку на меня, – что он?

Лещ. Заболел острым расстройством нервов...

Иван. Это его не оправдает, нет, шалишь!

Лещ. Ну, да, но его нельзя судить...

Иван. Почему? (*Он опускается на диван. В дверях столовой стоят Пётр, Вера, Софья, потом Александр. Из двери за ширмами в комнату Якова входит Любовь, останавливается у кресла няни, задумчиво гладит рукой её щёку, старуха что-то бормочет, тихонько смеётся, кивая головой. Лещ и Надежда около Ивана. В столовой – горничная.*) Это поразительно! За то, что я не позволил застрелить себя – меня бесчестят газеты и даже принуждают уйти со службы... а извергам, убийцам – мирволят, потому что у них, видите ли, слабые нервы! И называют это – конституцией! Как жить, спрашиваю я вас, как жить?

Софья (*уходя в столовую*). Садитесь за стол!

Иван. Разве пойдёт мне кусок в горло!

Александр. А ты выпей водки, и он пойдёт.

Иван. Почему ты не встретил меня на вокзале?

Александр. Ну, брось это!

Иван (*почти искренно*). Нет, мне обидно... Разве я не заслужил вашего внимания, дети, а?

Яков (*из столовой*). Да перестань же, Иван...

Любовь (*подходит к отцу, холодно*). Вы скоро кончите эту жалкую сцену?

Иван (*встаёт*). Жалкую? (*Ко всем.*) Так она говорит об отце своём, который на службе престолу и порядку...

Любовь (*спокойно*). Пропустите меня, я хочу есть...

Иван. Чей хлеб ты идёшь есть, горбатая дрянь?

Яков (*кричит*). Иван! Ах, боже мой...

Любовь (*спокойно, громко*). Я буду есть хлеб вашего брата.

Софья. Иван, ты бы постыдился хоть горничной...

Иван (*оглядываясь*). Как? Что такое?

Любовь. Вы не смеете говорить мне грубости...

Иван (*растерянно оглядываясь*). Это – это новость...

Яков (*поддерживаемый под руку Петром, взволнованный, тихо*). Что вы? Вы с ума сошли! Иван!.. Иди... иди!

Иван (*уходя*). Я не буду есть, если она сядет за один стол со мной...

(*Все идут за ним; Яков, Пётр и Любовь остаются одни.*)

Яков (*тихо*). Что с тобой, Люба?

Любовь (*тихо*). А как ты думаешь? (*Под её взглядом он наклоняет голову. Пётр подозрительно смотрит на них.*)

Иван (*в столовой, горестно*). Откуда мог явиться в моей семье этот злой дух вражды?

Александр. Твоё здоровье, папа!

(*Яков и Пётр молча идут к столу. Любовь осталась одна, оглядывается, кутаясь в свою шаль.*)

Федосья (*наклоняясь в кресле, смотрит на неё с улыбкой, манит к себе и шепчет*). Поди сюда, Любушка, поди сюда... Что он кричит, воевало-то наш?

Лещ (*в столовой*). С приездом... и за осуществление всех желаний нашей тесной семьи!

Занавес

Действие второе

Часть столовой – скучный угол со старинными часами на стене. Солидный буфет и большой стол, уходящий наполовину за пределы сцены. Широкая арка, занавешенная тёмной драпировкой, отделяет столовую от гостиной; гостиная глубже столовой, тесно заставлена старой мебелью. В правом углу горит небольшая электрическая лампа; под нею на кушетке Вера с книгой в руках. Между стульев ходит Пётр, точно ищет чего-то. В глубине у окна Любовь, она встала коленями на стул, держится за спинку и смотрит в окно.

Пётр (*тихо, упрямо*). Мне нужно знать правду...

Любовь (*оборачиваясь к нему*). Ты не рассказывай маме о твоей ссоре.

Пётр (*подозрительно*). Почему?

Вера (*с досадой*). Как ты мне мешаешь, Петька!

Любовь. Зачем волновать её?

Пётр (*упрямо*). А если он был прав, Максимов-то?

Вера (*горячо, упрекая*). Как тебе не стыдно, Пётр! Ты не смеешь думать о папе скверно!

Пётр (*задумчиво*). Молчи, Верка, ты глупая...

Вера. А ты – зазнаёшься...

Пётр (*настойчиво*). Почему ты не отвечаешь, Любовь?

Вера. Познакомился с интересным человеком и задираешь нос...

Любовь (*сходит со стула*). Что я тебе отвечу!

Пётр. Ты старшая, ты должна знать... Он кричал, что папа взяточник и трус, и...

Вера (*вскакивая*). Не смей повторять при мне эти гнусности, а то я скажу маме...

Пётр (*пытливо смотрит на неё*). Иди, скажи! Ну?

Вера (*бежит*). И пойду! Думаешь – нет?

Любовь (*обеспокоена*). Вера, не надо! Это – плохо, Пётр!

Пётр. Да, плохо, когда про отца так говорят... Любовь, правда, что он приказал избить арестованных и двое умерли? И что этого не нужно было делать?... Правда?

Любовь (*не вдруг*). Послушай, Пётр, я не уверена, что нужно говорить правду...

Пётр. Мне?

Любовь. Всем здесь...

Пётр. Почему?

Любовь. Мне кажется – это бесполезно.

Пётр (*недоверчиво*). Правда – бесполезна! Не понимаю...

Любовь. Если ты станешь сеять хлеб на болоте – разве он созреет?

Пётр (*подумав, обиженно*). Ага, ты считаешь меня ничтожеством, да? Ты – злая, ты злишься на весь мир за свой горб...

Любовь (*усмехаясь*). Если бы тебе сказал правду красивый человек красивыми словами – ты, может быть, поверил бы ему, а мне ты не поверишь – я горбата. Кассандра, наверное, была уродом, вот почему ей не поверили...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.